

ПРАВО

УДК 34.037, 34.06

В.В. Балановский

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОЦЕНКИ СУДЬЯМИ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00067.

Рассматриваются экспликация понятий «юридически значимые обстоятельства дела» и «оценка судьями юридически значимых обстоятельств дела». Экспликация производится посредством формально-юридического метода на основе анализа норм действующего российского процессуального законодательства, в первую очередь Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. С целью уточнения искомых понятий также производится разграничение понятий юридически значимого обстоятельства и юридического факта, которые необоснованно отождествляются в некоторых источниках.

Ключевые слова: юридически значимые обстоятельства; оценка судьями юридически значимых обстоятельств; юридический факт; судопроизводство; принятие решений судьями.

Введение. Одна из ключевых задач современной правовой науки заключается в изучении механизмов принятия решений судьями, в том числе с целью выработки подходов для оптимизации и, возможно, частичной автоматизации этой деятельности, как это сейчас активно осуществляется в США [1. Р. 12–13] и странах западной Европы [2]. В данном контексте особого внимания заслуживает исследование процесса оценки судьями юридически значимых обстоятельств, что связано с высокой практической актуальностью этого вопроса. Дело в том, что применительно к российскому судопроизводству значительная доля изменений или отмен решений судов первой инстанции в апелляционном порядке приходится на неправильную оценку судьями юридически значимых обстоятельств дела.

Так, если проанализировать статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018–2019 гг., т.е. за тот период, когда появились адекватные данные по основаниям изменения или отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, то можно увидеть следующие закономерности. В 2018 г. в рамках гражданского судопроизводства на долю неправильной оценки юридически значимых обстоятельств дела приходилось 39,3% от общего количества измененных или отмененных решений, в рамках административного – 29,6%. В 2019 г. указанные показатели составили 41,8 и 32,3% соответственно. Если суммировать эти данные с количеством решений судов первой инстанции, измененных или отмененных в апелляционном порядке сразу по нескольким основаниям, то окажется, что в 2018 г. в рамках гражданского судопроизводства неправильная оценка юридически значимых обстоятельств фигурировала в 52,8% апелляционных определений, в рамках административного судопроизводства – в 42%. В 2019 г. этот же показатель составил 54,7 и 42,7% соответственно.

Однако более показательной для демонстрации важности правильной оценки юридически значимых обстоятельств дела судьями была бы не обобщенная статистика по измененным и отмененным решениям судов первой инстанции в апелляционном порядке, а

только по полностью отмененным, поскольку изменение решений могло касаться каких-то незначительных моментов. К сожалению, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации не предоставляет такие данные и их приходится получать самостоятельно, изучая полные тексты соответствующих апелляционных определений. Например, анализ размещенных в системе ГАС «Правосудие» апелляционных определений, на основании которых были полностью отменены решения судов первой инстанции в Калининградской области в 2017–2018 гг.¹, показывает, что из общего числа таких отмен на долю неправильной оценки юридически значимых обстоятельств в рамках гражданского судопроизводства приходится 33% отмен, в рамках административного судопроизводства – 23%. К этому количеству можно прибавить решения, отмененные по нескольким основаниям, т.е. когда судья первой инстанции не только неверно оценил юридически значимые обстоятельства, но также нарушил или неверно применил нормы материального и процессуального права. Таким образом, получается, что в Калининградской области в 2017–2018 гг. неверная оценка юридически значимых обстоятельств судьями фигурирует как основание для полной отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке в рамках гражданского судопроизводства в 52% случаев, в рамках административного – в 46% случаев. Это позволяет говорить о том, что в половине отмененных решений судов первой инстанции в апелляционном порядке судья не смог правильно определить круг юридически значимых обстоятельств дела, связать их с доказательствами и с конечными выводами суда.

Несмотря на то, что поведение судей и принципы принятия ими решений являются загадкой, разгадка которой крайне желательна [3. Р. 2], в России до сих пор не очень много исследований по этой проблематике. Такая ситуация тем более удивительна, что именно в нашей стране зародилась школа правового реализма [4–6]. Это течение впервые обратилось к индивидуально- и коллективно-психологическим факторам конструирования и функционирования правовой реальности, что на почве североамериканского

философского и юридического прагматизма привело к возникновению американского правового реализма и социологии права, где вопрос принятия решения судьями занимает центральное положение [7]. Как бы то ни было, только недавно стали появляться труды российских специалистов, пытающихся систематически исследовать процесс принятия решения судьями. В качестве примера можно привести монографию под редакцией В.В. Волкова «Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права» [8]. Правда, авторы данного труда ничего не говорят о том, как же судьи оценивают юридически значимые обстоятельства и как это влияет на современное российское судопроизводство. Из всего многообразия когнитивных и психологических факторов их больше всего занимают «экстралегальные» факторы [8. С. 5], такие как личная корысть, психические особенности, уровень образования. В качестве другого примера можно привести попытки трансцендентального исследования процесса принятия решения судьями через призму учения И. Канта о способности суждения и понятия трансцендентальной рефлексии [9, 10].

Исследователи из США, будучи пионерами изучения механизмов принятия решения судьями, начали работать над раскрытием темы в 1940-х гг. Первопроходцем стал Ч.Х. Притчетт, проанализировавший особенности работы судей Верховного Суда США [11, 12], хотя с точки зрения современных стандартов его социологический проект, по мнению Л. Эпштейна, представляется слишком «маленьким и даже причудливым» [13. Р. 2020]. Также среди пионеров следует отметить Г.А. Шуберта [14, 15] и героев монографии под редакцией Н. Мавити [7], таких как С. Алмер, Х.Дж. Спэт, Дж. Таненхаус, Б.Б. Кук, В.Ф. Мёрфи, Дж.В. Ховард. Все указанные социологи права в большей степени фокусировались не на глубинных когнитивных и психологических особенностях судей, а на их политических взглядах и идеологических предпочтениях, эмоциональных склонностях и других сопутствующих аспектах деятельности судей, не касающихся непосредственно судопроизводства, в том числе процесса оценки юридически значимых обстоятельств.

Вместе с тем, прежде чем ответить на вопрос, как судьи оценивают юридически значимые обстоятельства, следует довольно четко определить, что конкретно они оценивают в рамках судопроизводства, на основании каких критериев они это делают, и как они должны это делать с точки зрения законодательства? Здесь возникает неожиданное затруднение. Безусловно, любой юридически грамотный участник судебного процесса, в том числе судья, на интуитивном уровне понимает, о чем идет речь. Проблема заключается в том, что ни в актуальных нормах российского права, ни в правовой литературе нет определения понятия юридически значимых обстоятельств. То есть нет отправного пункта, с которого можно было начать исследование процесса оценки судьями юридически значимых обстоятельств. Насколько бы узкой и схоластической не казалась эта проблема, в перспективе она имеет малоприятные практические последствия, например, в контексте активного внедрения в судопроизводство систем искусственного интеллекта,

которые интуитивно ничего не могут знать или понимать, в том числе о юридически значимых обстоятельствах. Следовательно, любая двусмысленность юридических понятий будет приводить к ошибкам в автоматическом судопроизводстве. Точнее, уже приводит, о чем много сегодня пишут западные ученые и публицисты [1].

Основной целью предлагаемого ниже исследования является определение понятий юридически значимых обстоятельств дела и оценки юридически значимых обстоятельств дела судьями. Исследование производится на материале действующих российских процессуальных норм.

Понятие юридически значимых обстоятельств дела в действующем российском законодательстве.

Поскольку, как говорилось выше, в нормах действующего законодательства нельзя найти ни самого термина «юридически значимые обстоятельства», ни тем более его эксплицированного определения, то за помощью можно обратиться к практической и научной литературе. Однако сделать это не так просто в силу ряда трудностей. Во-первых, в научной, учебной и практической литературе термин «юридически значимые обстоятельства» встречается довольно редко. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев данное понятие используется без какого-либо определения. Например, термин «юридически значимые обстоятельства» изредка встречается в утверждаемых Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзорах практики рассмотрения судами дел определенной направленности [16]. Кроме того, это понятие без определения приводится в научных статьях и даже правоведческих диссертациях [17], направленных на разъяснение процессуальных тонкостей [18, 19]. Назначение подобных материалов такое же, как и в случае с указанными выше обзорами Верховного Суда Российской Федерации, а именно – облегчить задачу участникам процесса и суду по определению круга юридически значимых обстоятельств дела в рамках некоторого класса судебных разбирательств. Здесь следует отметить, что само существование подобных обзоров и разъясняющих статей косвенно указывает на то, что термин «юридически значимые обстоятельства» недостаточно четко определен, что вызывает затруднения не только теоретического, но и практического характера. В силу этих же причин Верховный Суд с целью устранения трудностей правоприменения вынужден периодически обобщать некоторый класс дел, для которого в «ручном режиме» определяет, что в данном конкретном случае является юридически значимым обстоятельством, а что нет.

Также термин «юридически значимые обстоятельства» иногда встречается в дайджестах информационной системы «Консультант плюс» в разделе «Новое в российском законодательстве» [20] и некоторых других похожих материалах. Правда, чаще в этих дайджестах можно встретить термин «юридически значимое действие» [21], а не «юридически значимое обстоятельство».

Учитывая сказанное выше, можно было в этом месте закончить исследование и констатировать, что оно

не имеет смысла в силу того, что в качестве его темы заявлено понятие-фантом, которого не существует, но которое в силу каких-то причин иногда используется. Но тут возникает вопрос: как же так вышло, что в обзорах судебной практики и прочей правоприменительной аналитике данный термин присутствует, а в законодательстве его нет? Быть может, понятие юридически значимых обстоятельств использовалось в нормативно-правовых актах ранее? И именно поэтому данная формулировка вошла в тезаурус правоведов старшего поколения? Как выясняется, это действительно так.

В частности, термин «юридически значимые обстоятельства» встречается в Гражданском процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) [22]. Так, в ч. 1 ст. 306 указывается, что основанием для отмены решения суда в кассационном порядке является неправильное определение *юридически значимых обстоятельств*. Однако в этой редакции Кодекса также отсутствует внятное определение данного термина. Вместе с тем в действующем российском процессуальном законодательстве предусмотрены различные основания для отмены решений судов первой инстанции, только не в кассационном, а в апелляционном порядке. Они отражены в современной редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [23], где в п. 1 ч. 1 ст. 330 сказано, что основанием для отмены решения суда первой инстанции в апелляционном порядке является неправильное определение *обстоятельств, имеющих значение для дела*. Таким образом, получается, что в действующем российском законодательстве прямым коррелятом термина «юридически значимые обстоятельства» является термин «обстоятельства, имеющие значение для дела». Теперь осталось определить, что под ним подразумевают законодатели, правоприменители и правоведа.

В действующем российском законодательстве, как и в ГПК РСФСР, отсутствуют дефинитивные нормы, раскрывающие значение термина «обстоятельства, имеющие значение для дела». Их нет также в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [24], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [25], Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [26]. Вместе с тем, если обратиться непосредственно к нормам данных кодексов, легко убедиться в том, что понятие обстоятельств, имеющих значение для дела, довольно устойчиво и используется в одних и тех же контекстах. Это хорошо видно на примере сходств, которые обнаруживаются при сопоставлении п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1–3 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1–3 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ. Во всех указанных местах говорится об основаниях, по которым может быть отменено решение суда первой инстанции в апелляционном порядке, а именно о неправильном определении судом первой инстанции обстоятельств, имею-

щих значение для дела, а также о несоответствии выводов суда этим самым обстоятельствам.

Здесь следует обратить внимание на то, что в УПК РФ есть некоторая особенность. Здесь к термину «обстоятельства уголовного дела» добавляется прилагательное «фактический», что, возможно, привело к некоторой путанице в научной и справочной литературе, из-за которой обстоятельства, имеющие значение для дела, отождествляются с юридическими фактами. В частности, это связано с широкой дискуссией в научной литературе, связанной с определением фактического состава, предмета доказывания и юридического факта. Однако такое отождествление не совсем представляется корректным, о чем будет сказано ниже.

Кроме того, важным в рассматриваемом контексте сходством процессуальных кодексов Российской Федерации являются положения, в которых законодатель разъясняет обязанность доказывания. Речь идет о ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 3 с. 62 КАС РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ. Из данного ряда несколько выпадают похожие разделы УПК РФ из-за его специфичности и более глубокой проработанности проблемы доказательств и доказывания в нем, в то время как остальные российские процессуальные кодексы имеют поразительное сходство в даваемых ими определениях. Наиболее лаконично и емко по поводу доказательств высказывается ГПК РФ, в ч. 2 ст. 56 которого указывается, что «суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались». КАС РФ и АПК РФ повторяют данную формулировку, только в несколько ином – более развернутом виде. Из приведенных положений процессуальных кодексов следует два важных для формулирования точного определения понятия обстоятельств, имеющих значение для дела выводы. Первое заключается в том, что именно суд в соответствии с нормами материального и процессуального законодательства для каждого конкретного дела определяет, какие обстоятельства имеют значение. Второе важное следствие состоит в том, что эти обстоятельства подлежат *доказыванию*. Отсюда совершенно логичным представляется заглянуть в положения процессуальных кодексов, где разъясняется, что такое доказательство.

В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 55 ГПК РФ «...доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». Почти дословно похожее положение можно найти в ч. 1 ст. 59 КАС РФ и в ч. 1 ст. 64 АПК РФ. Как и в предыдущем случае, нормы УПК РФ здесь указываться не будут в силу специфики этого кодекса.

Из данного определения доказательства становится очевидным, что значение для процесса имеют обстоятельства, приведенные сторонами в качестве обоснования требований и возражений, а также иные факты, собранные в предусмотренном законом поряд-

ке на основании сведений, о которых суд выносит свое решение. Из этого определения следуют также два важных вывода. Во-первых, значение для дела может иметь довольно широкий спектр конкретных обстоятельств, поэтому законодатель не счит возможным подготовить перечень, пусть даже открытый, таких обстоятельств. Во-вторых, суд хоть и определяет круг имеющих значение для дела обстоятельств, но никогда не выносит решение на основании фактического наличия или отсутствия данных обстоятельств. Он может это делать только и исключительно на основании специальным образом собранных сведений об этих обстоятельствах. Иными словами, даже если судья каким-то образом точно знает некий факт, который мог бы склонить весы правосудия в пользу той или иной стороны, но данный факт не был доказан, т.е. стороны не предоставили о нем сведения, собранные в установленном законом порядке, то тогда такое знание никоим образом не может влиять на принятие решения.

Таким образом, проанализировав действующее процессуальное законодательство, на данном этапе исследования можно дать определение термина «юридически значимое обстоятельство». Итак, под *юридически значимым обстоятельством* в современном российском праве следует понимать *обстоятельство, имеющее значение для дела*. Такое определение при всей своей точности крайне бедно содержанием. Поэтому, исходя из всего сказанного выше, а также из содержащихся в процессуальных кодексах положений о доказательствах, можно прийти к выводу, что *юридически значимые обстоятельства – это определяемые судом конкретные жизненные или процессуальные обстоятельства, которые нуждаются в доказывании в рамках процесса, а в определенных процессуальными нормами случаях принимаются в качестве доказанных или без доказательства, и сведения о которых, полученные в предусмотренном законом порядке, необходимы и достаточны для всестороннего объективного рассмотрения и разрешения дела судом*. Далее будет использоваться данное определение.

Как правило, и это напрямую следует, например, из ГПК РФ, юридически значимые обстоятельства приводятся в обоснование требований и возражений сторон и входят в предмет доказывания в процессе. Именно поэтому в справочной литературе иногда отмечается: «чтобы определить обстоятельства, имеющие значение для дела, следует использовать два источника: норму материального права, регулиющую данные отношения, а также основания иска и возражения против него» [27].

Правоведы обратят внимание на то, что в приведенной формулировке термин «юридически значимое обстоятельство» определяется через понятие о конкретном жизненном или процессуальном обстоятельстве, т.е. через понятие *факта* в правоведении. В таком случае, быть может, куда целесообразнее под обстоятельствами, имеющими значение для дела, понимать просто особый класс *юридических фактов*, учение о которых довольно хорошо развито классиками российского и зарубежного правоведения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к

специальной литературе. Однако, забегая вперед, отмечу, что в российском правоведении понятие юридического факта в подавляющем большинстве случаев оказывается несколько более узким, чем понятие юридически значимого обстоятельства.

Сопоставление понятий юридически значимого обстоятельства дела и юридического факта. Впервые четкое определение понятия юридического факта дает в своих фундаментальных трудах по гражданскому праву Ф.К. фон Савиньи. Под юридическими фактами он понимал «события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений» [28. С. 212]. Поскольку Ф.К. фон Савиньи стоял у истоков современной цивилистики, то его определение вполне закономерно повлияло на дальнейшее развитие различных концепций юридического факта, которые преимущественно старались лишь дополнить и уточнить идеи этого выдающегося правоведа. Причем речь идет не только о концепциях XIX в., но и идеях, преобладающих в XX и XXI вв. в зарубежной юридической науке и в России. Тут можно взять для сравнения определение Л.И. Петражицкого и авторов современной российской юридической энциклопедии. Первый под юридическими фактами понимал «такие факты, которыми обуславливается (или вызывается) применение юридических норм, или возникновение, изменение, прекращение правоотношений (или прав и обязанностей)» [29. С. 27], авторы юридической энциклопедии – обстоятельства, которые обуславливают «возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [30. С. 1221]. Сходство очевидно.

Для пояснения сущности юридического факта можно обратиться к одному из патриархов российского правоведения М.Н. Капустину. Он писал, что под фактом мыслят «изменения, производимые силами человека и природы во внешнем мире» [31. С. 86]. Факты познаются из опыта и отражают перемены прежнего состояния чего бы то ни было. Причем «по разнообразию этих последствий и перемен, факты получают различное значение. Весьма многие из них стоят вне области права или потому, что не производят изменений в отношениях между лицами, или потому, что касаются непосредственного блага» [31. С. 87]. Иными словами, М.Н. Капустин оставляет за рамками права факты, которые не приводят к изменению юридических отношений, т.е. многое из того, с чем имеет дело судья в рамках процесса. С его точки зрения, юриспруденция имеет дело только с теми фактами, что «производят перемену в существующих юридических отношениях между лицами или же создают новые отношения» [31. С. 87]. Причем, что немаловажно, юридические «факты имеют последствия, предусмотренные и формулированные правом; в них право находит свое существование, в каждом из них заключается юридическая сторона» [31. С. 87].

Также у М.Н. Капустина можно найти ответ на вопрос о значении юридических фактов для права как такового. Так, он отмечает, что «право не имело бы реального бытия без юридических фактов и наоборот без права эти факты имели характер случайности» [31. С. 88]. Это происходит за счет того, что из факта и нравственности образуется право, они «служат его

основанием, ratio» [31. С. 91]. Но при всем этом «ни нравственность сама по себе, ни факт сам по себе не есть право» [31. С. 91].

Разумеется, одним только М.Н. Капустиным не ограничивается перечень выдающихся дореволюционных правоведов, которые касались вопроса определения природы юридического факта. Здесь следует отметить вклад уже упомянутого Л.И. Петражицкого, посвятившего целый раздел своего фундаментального труда, увязывающего этику и юриспруденцию, проблеме правоотношений и юридических фактов [29. С. 22–120], Г.Ф. Шершеневича – автора известной работы по общей теории права [32. С. 397–409], Ф.В. Тарановского [33], Е.В. Васильковского [34] и др.

Что касается современного российского правоведения, то сегодня наблюдается некоторая нехватка фундаментальных исследований, посвященных природе юридических фактов. Как отмечает М.А. Рожкова [35. С. 2], в этой сфере особых новостей не было с 1958 г., когда в свет вышел труд по цивилистике О.А. Красавчикова [36]. Справедливость этого мнения подтверждают также авторы сравнительно свежей монографии «Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики», которые подчеркивают, что в России наблюдается крайняя нехватка глубоких исследований в области гражданского права [37. С. 16], где роль юридического факта особенно велика, как это отмечалось выше. Вместе с тем не стоит забывать о живых классиках, которые много внимания уделили проблеме юридических фактов. В частности, можно отметить вклад профессора В.Б. Исакова, который в своих трудах всесторонне осветил вопрос фактического состава и юридических фактов в советском и российском законодательстве [38–41]. Кроме того, в последние годы периодически появляются новые диссертационные исследования, посвященные юридическим фактам. Например, докторская диссертация М.А. Рожковой [17] или кандидатские диссертации О.Г. Сардаевой [42] и В.В. Муругиной [43].

По мере развития законодательства, в первую очередь гражданского права, предпринимаются новые попытки осмыслить сущность юридического факта. Такая ситуация вполне объяснима. Как подчеркивает В.Б. Исаков, понятие юридического факта формируется как попытка систематизировать множество разнообразных, лежащих в основе правоотношений юридических фактов [38. С. 6], т.е. как и в естественных науках, в этой сфере эмпирические данные предшествуют теоретическому осмыслению вопроса. Именно поэтому до сих пор существует некая терминологическая неопределенность, так как с развитием общества появляются новые общественные отношения и новые правоотношения, к возникновению, изменению и прекращению которых приводят либо ранее не существовавшие юридические факты, либо факты, которые ранее не относились к юридическим. Отсюда возникает, например, проблема определения юридических фактов в современном гражданском праве, о чем пишет М.А. Рожкова [35. С. 3]. Все это очень важно в контексте вопроса о соотношении понятий юридического факта и юридически значимого обстоятельства. И вот почему.

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский полагали, что юридические факты не должны ограничиваться сферой тех конкретных жизненных обстоятельств, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению правоотношений, поскольку этим не исчерпываются все возможные юридические последствия [44. С. 243]. То есть уже в 1961 г. стало очевидным, что классическое определение юридического факта несколько устарело. В продолжение данной линии мысли М.А. Рожкова отмечает, что многие юридические факты не могут быть включены в устоявшуюся классификацию [35. С. 3]. Объясняет она это не столько узостью классического понимания, сколько изменениями, которые происходят в обществе и праве. Здесь же следует отметить мнение А.Ю. Белоножкина. Он проанализировал различные концепции, сложившиеся в правоведческой литературе, и пришел к выводу, что «значение юридического факта в гражданском праве проявляется в том, что он служит основанием для возникновения не только гражданского правоотношения, но и субъективных гражданских прав и обязанностей вне гражданского правоотношения» [45. С. 4], т.е. попытался расширить понимание сущности юридического факта. Несколько ранее в своей диссертации В.В. Муругина отмечала, что под юридическим фактом она понимает особую разновидность научно-практической модели, «представляющей собой систему законодательно определенных признаков явлений социальной действительности, служащей необходимым условием движения правоотношения или наступления иных правовых последствий» [43. С. 12–13].

Несмотря на то что, как видно из приведенных выше примеров, наметилась устойчивая тенденция на расширение представлений о юридическом факте, все равно даже в таком виде это понятие не может быть отождествлено с понятием юридически значимых обстоятельств, данном в предыдущем разделе. Все потому, что во всех случаях понятие юридического факта тесно связано с концепцией движения правоотношений. Как отмечает А.Ф. Вишневский, не всякий факт – жизненное обстоятельство – оказывает влияние на правоотношения. В счет идут только те факты, «которые обозначены в нормативных правовых актах и с которыми законодатель связывает возможность осуществления участниками правоотношений их субъективных прав и юридических обязанностей» [46]. Под правоотношением он понимает «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством» [46]. Причем, как справедливо подчеркивает А.Ф. Вишневский, «правоотношения являются не просто юридической формой регулируемых правом общественных отношений, а юридическим средством реализации правовых предписаний путем их осуществления конкретными субъектами права» [46].

Почему же концепция движения правоотношений не позволяет распространить понятие юридического факта на понятие юридически значимого обстоятельства? Дело в том, что суд в рамках конкретного про-

цесса принимает во внимание множество конкретных материальных и процессуальных обстоятельств, которые приводятся в обоснование требований и возражений сторон, а также иных обстоятельств, сведения о которых помогают рассмотреть и правильно разрешить дело. Безусловно, среди таких обстоятельств могут и должны быть юридические факты как материально-правового, так и иного характера. Но наряду с ними могут попадаться и такие жизненные события, которые никоим образом ни по отдельности, ни в совокупности не приводят к движению – возникновению, изменению или прекращению правоотношений. Это связано как со спецификой каждого конкретного процесса, в рамках которого суду приходится сталкиваться с особенными фактами, далеко не все из которых мог предусмотреть или отразить в нормах права законодатель (этого и не требуется, ведь механизм правоприменения для того и служит, чтобы подводить особенные обстоятельства под общие нормы), так и с тем, что даже предусмотренные в нормах права обстоятельства, являющиеся основаниями для движения правоотношений, могут по решению суда ни к чему не привести.

Чтобы стало понятно, о чем идет речь во втором случае, можно привести такой пример. Возьмем судебный процесс, в котором рассматривается вопрос о признании отцовства. Суд принимает во внимание сведения о множестве конкретных жизненных событий, которые помогают ему рассмотреть и правильно разрешить дело. Вместе с тем суд приходит к выводу, что представленные в обоснование требований сторон доказательства не позволяют установить факт отцовства. Таким образом, суд учел массу юридически значимых обстоятельств, которые в итоге не привели к изменению правоотношений сторон, а также не повлекли за собой возникновение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Все осталось, как было до судебного процесса. Но такое разрешение дела не лишает юридической значимости те обстоятельства, которые суд оценил в ходе разбирательства.

Таким образом, в силу всех приведенных здесь соображений представляется нецелесообразным отождествлять юридически значимые обстоятельства и юридические факты. Вместе с тем необходимо отметить, что, безусловно, среди юридически значимых обстоятельств конкретного дела могут и должны встречаться юридические факты, которые составляют основу предмета доказывания.

Понятие оценки судьями юридически значимых обстоятельств дела. Имея определение юридически значимых обстоятельств вполне логичным кажется перейти к рассмотрению вопроса об оценке судьями юридически значимых обстоятельств с точки зрения действующего российского законодательства. Как и в предыдущем случае, никаких подсказок в виде дефинитивных норм ожидать не приходится. Предполагается, что интуитивно все стороны судопроизводства прекрасно понимают, о чем идет речь. Поэтому создается впечатление, что всякое подобное теоретическое исследование по определению понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств можно остановить в самом начале, сказав, что и без него суд высшей инстанции в апелляционном порядке прекрасно справ-

ляется с задачей отмены или изменения решения первой инстанции. Однако, опять же, в контексте грядущего внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство, а также в свете необходимости подготовки кадров для судов апелляционной инстанции предлагаемое теоретическое исследование может принести практическую или дидактическую пользу.

Итак, поскольку законодатель не дал никакой подсказки, с какой стороны подступиться к понятию определения судьями юридически значимых обстоятельств, то, как и прежде, здесь следует опираться на подходящие по смыслу разделы процессуальных кодексов. Этого вполне достаточно, чтобы составить четкое представление о сути вопроса. Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению, нужно отметить, что в дальнейшем для удобства под термином «оценка» будет подразумеваться сложная многоуровневая ментальная и сенсуальная деятельность, направленная на упорядочивание и сопоставление совокупности данных с целью вынесения некоего определенного суждения о данном соотношении. Поэтому обратимся сразу к тому материалу, который предоставляют нормы права.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе всех четырех действующих процессуальных кодексов Российской Федерации, это то, что термин «оценка» используется в них преимущественно в контексте оценки доказательств. Данный факт нашел непосредственное отражение в ст. 67 ГПК РФ, ст. 84 КАС РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 17 и 88 УПК РФ. Так, в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ указано, что «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». В контексте рассматриваемого здесь вопроса из этой формулировки можно вывести следующие важные следствия. Во-первых, тут еще раз подчеркивается, что при принятии решений суд руководствуется не непосредственно юридически значимыми обстоятельствами, т.е. конкретными жизненными или процессуальными *фактами*, а *доказательствами*, т.е. полученными в предусмотренном законом порядке *сведениями* о таких фактах, что отражено в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ. Во-вторых, из приведенной нормы следует, что судья руководствуется внутренними убеждениями. Это означает, что процесс оценки доказательств не может быть никоим образом полностью формализован и автоматизирован, так как касается очень тонких механизмов высшей ментальной деятельности человека. В-третьих, в приведенной норме выражено требование, согласно которому судья должен подходить к оценке доказательств *объективно*. Что подразумевается в данном случае под объективностью немного становится понятным, если обратиться к ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, где указано, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы». Это означает, что судья должен подходить к оценке доказательств *критически*, а не *догматически*, что роднит процесс оценки доказательств с деятельностью ученого, работающего в области естественных наук, вынужденного опираться только на эмпирические данные, даже если очень хочется заменить познание одним лишь мышлением, что в дан-

ном случае недопустимо, поскольку, как отмечал И. Кант в «Критике чистого разума», «мыслить себе предмет и познавать предмет не есть, следовательно, одно и то же» [47. С. 136].

Оценка доказательств является важнейшей задачей судьи в рамках каждого конкретного процесса. Однако одной только ей не может ограничиваться понятие оценки юридически значимых обстоятельств. Во-первых, потому, что доказательства – это еще не сами по себе юридически значимые обстоятельства, а только полученные в установленном порядке сведения о них и связях между ними. Во-вторых, потому, что судья, прежде чем оценить доказательства, как напрямую следует из ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, должен определить круг юридически значимых обстоятельств, нуждающихся в доказывании. Это означает, что в первую очередь судья должен оценить, какие обстоятельства имеют юридическое значение для данного процесса, а какие нет, и уже только потом дать им оценку, точнее не им самим, а тому, как они будут представлены в доказательствах. И вот только на этом этапе пригодятся нормы ст. 67 ГПК РФ «Оценка доказательств». Поэтому, чтобы приблизиться к определению понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств, следует поискать что-то более подходящее в процессуальных кодексах.

В этом плане большим эвристическим потенциалом обладают разделы процессуальных кодексов, в которых разъясняются основания для изменения или отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке. Это хорошо видно на примере сходств, которые обнаруживаются при сопоставлении п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ. В данных пунктах в качестве одного из возможных оснований для отмены или изменения решения суда первой инстанции в апелляционном порядке приводится неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела. Из этого следует, что под оценкой юридически значимых обстоятельств можно было бы понимать только лишь деятельность судьи по определению круга юридически значимых обстоятельств. Однако все же представляется, что такое отождествление не является правомерным, поскольку понятие «оценка» охватывает гораздо более широкий спектр ментальной деятельности.

В связи со сказанным выше, можно предположить, что для определения того, что же должно входить в объем понятия оценки судьями юридически значимых обстоятельств, нужно проанализировать все виды возможных оснований отмены или изменения решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, связанных с обстоятельствами, имеющими значения для дела, и указанных в п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1–3 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, п. 1–3 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, а также ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

Так, в п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ содержатся следующие положения:

«1. Основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела;

3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела».

Если взять за основу данные положения, то можно дать следующее определение. *Под оценкой юридически значимых обстоятельств следует понимать комплекс ментальных действий судьи, направленных на обеспечение взаимосвязи между юридически значимыми обстоятельствами, доказательствами и выводами суда.* Причем, как следует из п. 1–3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, оценка юридически значимых обстоятельств состоит из трех ключевых элементов:

1) определение круга обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) установление однозначной связи между доказательствами и обстоятельствами, имеющими значение для дела;

3) установление однозначной связи между обстоятельствами, имеющими значение для дела, и выводами суда.

Вместе с тем оценка судьями юридически значимых обстоятельств не является тривиальной процедурой. Действительно, уже на первой стадии – стадии определения круга юридически значимых обстоятельств для каждого конкретного дела – требуется выдвижение некоторой гипотезы о характере данного дела, после чего возникает задача оценки доказательств. О том, что этот процесс имеет немеханический и неавтоматизируемый характер, говорят, в частности, авторы фундаментального труда по теории доказывания Т. Андерсон, Д. Шум, У. Твининг [48. Р. 54]. Два других этапа также невозможны без хорошей подготовки, развитых когнитивных способностей и определенных ментальных усилий.

Выводы. Выше было показано, как на основе анализа действующего российского процессуального законодательства можно эксплицировать определение понятий юридически значимых обстоятельств и оценки судьями юридически значимых обстоятельств. В контексте вызовов, которые сегодня стоят перед юридической наукой, полученные в ходе исследования результаты можно интерпретировать следующим образом.

Во-первых, в свете внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство становится очевидным, что полностью автоматизировать данную сферу не представляется возможным, даже если вынести за скобки этические проблемы данного процесса [2]. С одной стороны, это связано с природой юридически значимых обстоятельств, которые, будучи конкретными жизненными обстоятельствами, довольно разнообразны и в зависимости от уникальных условий каждого дела могут в некоторых случаях иметь юридическое значение, а в других не иметь его. Таким образом, как минимум функция определения круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, должна оставаться за судьей. Возможно, это в меньшей степени касается разбирательств в рамках УПК РФ, так как там довольно четко прописаны обстоятельства, подлежащие доказыванию, однако остальные виды производства допускают в этом вопросе большую свободу. С другой стороны, это связано с природой когнитивных способностей человека, поскольку судья в процессе оценки юридически значимых обстоятельств вынужден на определенном этапе действовать не по шаблону, поступая в чем-то подобно ученому-

экспериментатору, который вынужден искать правильный ответ на поставленный вопрос, основываясь на отрывочных данных и не имея подсказок. Как отмечается в одной из недавних публикаций, в терминах И. Канта эта в чем-то творческая часть деятельности судей тесно связана с реализацией ими рефлектирующей способности суждения, подменять которую системы искусственного интеллекта пока не способны.

Во-вторых, в контексте повышения эффективности судопроизводства и подготовки кадров для системы правосудия, учитывая, что неверная оценка судьями юридически значимых обстоятельств является одним из самых популярных оснований для отмены или изменения решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, результаты проведенного исследования позволяют выявить те слабые точки, на которые в первую очередь следует обращать внимание при рассмотрении дела, чтобы впоследствии решение по нему было объективным и правильным и не подлежащим изменению в

последующих инстанциях. Например, такими точками являются все те же неалгоритмизируемые моменты судопроизводства, начиная с определения посредством abduction круга юридически значимых для дела обстоятельств и заканчивая развитием когнитивных механизмов, отвечающих в том числе и за исследовательскую деятельность.

В-третьих, в русле предпринимаемых в научной литературе попыток уяснить сущность происходящих в последнее время изменений правовой реальности, в том числе в связи с наметившимся сдвигом в понимании юридического факта, восполнение теоретической лакуны, связанной с отсутствием определения понятия юридически значимого обстоятельства дела, имеет определенную эвристическую ценность. В этом плане нелишним будет вспомнить, что понятие юридического факта, с которым иногда ошибочно отождествляют понятие юридически значимого обстоятельства, лежит в основе современной цивилистики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Калининградская область приводится здесь в качестве примера потому, что в России не ведется дифференцированная статистика по конкретным основаниям полной отмены судебных решений первой инстанции в апелляционном порядке, однако начинать с чего-то нужно. Учитывая разный стиль судей, готовивших апелляционные определения, каждый подобный документ необходимо изучать «вручную». Это довольно трудоемкая задача. Так, только по Калининградской области в системе ГАС «Правосудие» в период с 01.01.2017 по 31.12.2018 г. было размещено 405 полнотекстовых апелляционных определений о полной отмене решений судов первой инстанции, вынесенных в рамках гражданского и административного судопроизводства. Все они были проанализированы в целях данного исследования. При желании и наличии достаточных ресурсов подобную работу можно произвести и по другим субъектам Российской Федерации. Тем не менее данные по Калининградской области вполне позволяют уловить общую картину, повторяемость которой можно ожидать на примере других регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Monahan J., Skeem J. Risk Assessment in Criminal Sentencing // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2015. № 53.
2. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. Strasbourg : Council of Europe, 2019.
3. Baum L. The Puzzle of Judicial Behavior. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1997.
4. Podgorecki A. Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrażycki: Reflections based on Jan Gorecki's Sociology and Jurisprudence of Leon Petrażycki // Law & Society Review. 1980–1981. Vol. 15, № 1. P. 183–202.
5. Clifford-Vaughan M., Scotford-Norton M. Legal Norms and Social Order: Petrażycki, Pareto, Durkheim // The British Journal of Sociology. 1967. Vol. 18. P. 269–277.
6. Gella A. An Unrecognized Social Theorist – Petrażycki // The Polish Review. 1977. Vol. 22, № 2. P. 76–79.
7. The Pioneers of Judicial Behavior / Ed. N. Maveety. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2006.
8. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М. : Статут, 2012.
9. Балановский В.В. Трансцендентализм И. Канта как ключ к пониманию специфики деятельности судей // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 44–52.
10. Балановский В.В. Некоторые аспекты функционирования трансцендентальной рефлексии у судей // Трансцендентальный поворот в современной философии (4). М. : ГАУГН-ПРЕСС, 2019. С. 302–305.
11. Pritchett C.H. The Divided Supreme Court, 1944–1945 // Michigan Law Review. 1945. Vol. 44, № 3. P. 427–442.
12. Pritchett C.H. The Roosevelt Court: A Study in Judicial Politics and Values 1937–1947. N.Y. : Macmillan, 1948.
13. Epstein L. Some Thoughts on the Study of Judicial Behavior // William & Mary Law Review. 2017. Vol. 57, is. 6. P. 2017–2073.
14. Schubert G.A. Quantitative Analysis of Judicial Behavior. Glencoe: The Free Press, 1960.
15. Shubert G.A. The Judicial Mind: The Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices, 1946–1963. Evanston : Northwestern University Press, 1965.
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.10.2018) // СПС Консультант плюс.
17. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
18. Смирнова О.В. Юридически значимые обстоятельства по делам о восстановлении на работе работника, уволенного за появление на работе в состоянии алкогольного опьянения // Законность. 2014. № 12 (962). С. 44–46.
19. Тетюев С.В. Взыскание членских взносов и платы за пользование общим имуществом садоводческого (дачного) товарищества // Судья. 2018. № 11 (95). С. 60–64.
20. Новое в российском законодательстве от 28 апреля 2018 года // СПС Консультант плюс.
21. Новое в российском законодательстве с 18 по 25 января 2019 года // СПС Консультант плюс.
22. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // СПС Консультант плюс.
23. Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
24. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
25. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
26. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

27. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве. 5-е изд., доп. и переработанное / под ред. И.В. Решетниковой. М. : Норма; Инфра-М, 2011 // СПС Консультант плюс.
28. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2012. Т. 2.
29. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М. : Юрайт, 2019. Ч. 2.
30. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юристъ, 2001.
31. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Т. 1: Общая догматика. М. : Унив. тип. (Катковъ и Ко), 1868.
32. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Издание Братьев Башмаковыхъ, 1910.
33. Тарановский Ф. В. Право в объективном и субъективном смысле. СПб., 1911.
34. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов. М. : Издательство Братьев Башмаковыхъ, 1913.
35. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. URL: <http://rozhkova.com/pdf/UFISOGLASH.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).
36. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Юрид. лит., 1958.
37. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В.А. Белова. 2-е изд. М. : Юрайт, 2016. Т. 1.
38. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1980.
39. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1984.
40. Исаков В.Б. Вопросы теории юридических фактов : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985.
41. Исаков В.Б. Юридические факты как вид юридического ограничения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 170–174.
42. Сардаева О.Г. Установление фактических обстоятельств дела как основа квалификации юридически значимого поведения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
43. Муругина В.В. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: 2010.
44. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
45. Белоножкин А.Ю. Юридические факты в гражданском праве // Мы и право. 2013. № 4 (21). С. 2–14.
46. Вишневецкий А.Ф. Становление и развитие учения о юридических фактах в теоретической правовой науке // Право и демократия: сб. науч. трудов. 2013. № 24. С. 82–102. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/51051> (дата обращения: 01.12.2020).
47. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. М. : ЧОРО, 1994. Т. 3.
48. Anderson T., Schum D., Twining W. Analysis of Evidence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 января 2021 г.

Definition of the Concept of Judges' Assessment of Legally Significant Circumstances of the Case in Contemporary Russian Legal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 53–63.

DOI: 10.17223/15617793/469/7

Valentin V. Balanovskiy, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia Federation). E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

Keywords: legally significant circumstances of case; judges' assessment of legally significant circumstances of case; legal fact; legal proceedings; judicial decision-making.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00067.

The article considers the explication of the concepts of legally significant circumstances of the case and the judges' assessment of the legally significant circumstances of the case. Explication is carried out mainly through the formal legal method based on the analysis of the norms of the current Russian procedural legislation, primarily the Civil Procedural Code of the Russian Federation. In the first part of the article, the author formulates an integral definition of the concept of legally significant circumstances. He shows that this concept, despite its widespread use in scientific literature and legal practice compendiums, occurs in such a linguistic form in the norms of Soviet procedural law and does not occur in the norms of the current Russian legislation. At the same time, the concept has clear correlates in the current procedural codes of the Russian Federation. Based on the analysis of these correlates, the author concludes that legally significant circumstances are specific life or procedural circumstances, which are determined by the court and need to be proven within the framework of the case, except when according to certain procedural norms these circumstances are accepted as proven or without proof, and information about them, received in the procedure prescribed by law, is necessary and sufficient for a comprehensive objective consideration and resolution of the case by the court. In the second part of the article, the author shows the difference between the concepts of legally significant circumstances and legal facts, which are sometimes incorrectly identified or unnecessarily brought together by some researchers. In particular, the author stresses that traditionally researchers represent legal facts as certain phenomena that lead to the movement of legal relationships. At the same time, legally significant circumstances may not always lead to the movement of legal relationships. In the third part of the article, the author gives an integral definition of the concept of the judges' assessment of legally significant circumstances. He shows that this concept should be represented as a set of mental operations of a judge aimed at ensuring the relationship between legally significant circumstances, evidence, and conclusions of the court. Moreover, as follows from Items 1–3 of Part 1 of Article 330 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation, the assessment of legally significant circumstances consists of three key elements: determination of the range of circumstances which are important for the case; establishment by the court of an unambiguous connection between evidence and circumstances which are important for the case; establishment by the court of an unambiguous connection between circumstances which are important for the case and conclusions of the court. In the conclusion, the author shows practical consequences that follow from the results of the study.

REFERENCES

1. Monahan, J. & Skeem, J. (2015) *Risk Assessment in Criminal Sentencing*. Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 53.
2. Council of Europe. (2019) *European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment*. Strasbourg: Council of Europe.
3. Baum, L. (1997) *The Puzzle of Judicial Behavior*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
4. Podgórecki, A. (1980—1981) Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrażycki: Reflections based on Jan Gorecki's Sociology and Jurisprudence of Leon Petrażycki. *Law & Society Review*. 15 (1). pp. 183–202.
5. Clifford-Vaughan, M. & Scotford-Norton, M. (1967) Legal Norms and Social Order: Petrażycki, Pareto, Durkheim. *The British Journal of Sociology*. 18. pp. 269–277.

6. Gella, A. (1977) An Unrecognized Social Theorist – Petrażycki. *The Polish Review*. 22 (2). pp. 76–79.
7. Maveety, N. (ed.) (2006) *The Pioneers of Judicial Behavior*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
8. Volkov, V.V. (ed.) (2012) *Kak sud'i primayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut.
9. Balanovskiy, V.V. (2019) Transsentalizm I. Kanta kak klyuch k ponimaniyu spetsifiki deyatel'nosti sudey [Transcendentalism as a Key to Understanding the Specificity of Judges' Activity]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 12. pp. 44–52.
10. Balanovskiy, V.V. (2019) Nekotorye aspekty funktsionirovaniya transsental'noy refleksii u sudey [Some aspects of the functioning of transcendental reflection in judges]. In: *Transsental'nyy povorot v sovremennoy filosofii* [Transcendental turn in modern philosophy]. (4). Moscow: GAUGN-PRESS. pp. 302–305.
11. Pritchett, C.H. (1945) The Divided Supreme Court, 1944–1945. *Michigan Law Review*. 44 (3). pp. 427–442.
12. Pritchett, C.H. (1948) *The Roosevelt Court: A Study in Judicial Politics and Values 1937–1947*. N.Y.: Macmillan.
13. Epstein, L. (2017) Some Thoughts on the Study of Judicial Behavior. *William & Mary Law Review*. 57 (6). pp. 2017–2073.
14. Schubert, G.A. (1960) *Quantitative Analysis of Judicial Behavior*. Glencoe: The Free Press.
15. Shubert, G.A. (1965) *The Judicial Mind: The Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices, 1946–1963*. Evanston: Northwestern University Press.
16. Consultant Plus. (2018) *Review of the practice of court consideration of cases on disputes on the protection of consumer rights related to the sale of goods and services (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 17, 2018)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Rozhkova, M.A. (2010) *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya* [Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction]. Law Dr. Diss. Moscow.
18. Smirnova, O.V. (2014) Yuridicheski znachimye obstoyatel'stva po delam o vosstanovlenii na rabote rabotnika, uvolnennogo za poyavlenie na rabote v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya [Legally significant circumstances in cases of reinstatement at work of an employee who was dismissed for appearing at work in a state of alcoholic intoxication]. *Zakonost'*. 12 (962). pp. 44–46.
19. Tetyuev, S.V. (2018) Vzyiskanie chlenkikh vnzosov i platy za pol'zovanie obshchim imushchestvom sadovodcheskogo (dachnogo) tovarishchestva [Collection of membership fees and fees for using the common property of a gardening partnership]. *Sud'ya – Judge*. 11 (95). pp. 60–64.
20. Consultant Plus. (2018) *The new in Russian legislation of April 28, 2018*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
21. Consultant Plus. (2019) *The new in Russian legislation from 18 to 25 January 2019*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2002) *The Civil Procedural Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 11 June 1964) (as amended on 31 December 2002)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2002) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2020) [The Civil Procedural Code of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on July 31, 2020)]. 46. Art. 4532.
24. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2015) The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08 March 2015 No. 21-FZ (as amended on 31 July 2020). 10. Art. 1391.
25. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2002) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. Ot 08.06.2020) [The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ (as amended on 08 June 2020)]. 30. Art. 3012.
26. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. Ot 27.10.2020) [The Criminal Procedural Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 27 October 2020)]. 52 (I). Art. 4921.
27. Reshetnikov, I.V. (ed.) (2011) *Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook of proof in civil proceedings]. 5th ed. Moscow: Norma; Infra-M.
28. von Savigny, F.K. (2012) *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t.* [The system of modern Roman law: in 8 volumes]. Translated from German by G. Zhigulin. Vol. 2. Moscow: Statut.
29. Petrazhitskiy, L.I. (2019) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nravnstvennosti: v 2 ch.* [The theory of law and state in connection with the theory of morality: in 2 parts]. Part 2. Moscow: Yurayt.
30. Topornin, B.N. (ed.) (2001) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal encyclopedia]. Moscow: Yurist'.
31. Kapustin, M.N. (1868) *Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika)* [Theory of law (legal dogmatics)]. Vol. 1. Moscow: Univ. tip. (Katkov" i Ko).
32. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Brat'ev Bashmakovykh'.
33. Taranovskiy, F.V. (1911) *Pravo v ob"ektivnom i sub"ektivnom smysle* [Law in the objective and subjective sense]. Saint Petersburg: [s.n.].
34. Vas'kovskiy, E.V. (1913) *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov: Dlya nachinayushchikh yuristov* [Guide to the Interpretation and Application of Laws: For Novice Lawyers]. Moscow: Izdatel'stvo Brat'ev Bashmakovykh'.
35. Rozhkova, M.A. (2009) *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: Soglasheniya o zashchite prav i protsessual'nye soglasheniya* [Legal facts of civil and procedural law: Agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moscow: Statut, [Online] Available from: <http://rozhkova.com/pdf/UFISOGLASH.pdf> (Accessed: 01.12.2020).
36. Krasavchikov, O.A. (1958) *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow: Yurid. lit.
37. Belov, V.A. (ed.) (2016) *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: v 2 t.* [Civil law. Topical issues of theory and practice: in 2 volumes]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
38. Isakov, V.B. (1980) *Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
39. Isakov, V.B. (1984) *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
40. Isakov, V.B. (1985) *Voprosy teorii yuridicheskikh faktov* [Issues of the theory of legal facts]. Law Dr. Diss. Sverdlovsk.
41. Isakov, V.B. (2018) Yuridicheskie fakty kak vid yuridicheskogo ogranicheniya [Legal facts as a type of legal limitation]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 12. pp. 170–174.
42. Sardaeva, O.G. (2013) *Ustanovlenie fakticheskikh obstoyatel'stv dela kak osnova kvalifikatsii yuridicheskogo znachimogo povedeniya* [Establishing the factual circumstances of the case as the basis for qualifying legally significant behavior]. Law Cand. Diss. Saratov.
43. Murugina, V.V. (2010) *Defektnost' yuridicheskikh faktov kak negativnaya cherta pravovoy sistemy* [Defectiveness of legal facts as a negative feature of the legal system]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
44. Ioffe, O.S. & Shargorodskiy, M.D. (1961) *Voprosy teorii prava* [Issues of the theory of law]. Moscow: Gosyurizdat.
45. Belonozhkin, A.Yu. (2013) Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave [Legal facts in civil law]. *My i pravo*. 4 (21). pp. 2–14.
46. Vishnevskiy, A.F. (2013) Stanovlenie i razvitiye ucheniya o yuridicheskikh faktakh v teoreticheskoy pravovoy nauke [Formation and development of the doctrine of legal facts in theoretical legal science]. In: *Pravo i demokratiya* [Law and democracy]. Vol. 24. pp. 82–102. [Online] Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/51051> (Accessed: 01.12.2020).
47. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. In: *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 volumes]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: ChORO.
48. Anderson, T., Schum, D. & Twining, W. (2005) *Analysis of Evidence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 25 January 2021